

ИНТЕГРАЦИИ В ПРЕИСТОРИИ

Плодородный полумесяц: единый часовой пояс перемен

Степной мир как модель культурного симбиоза

От Белого до Красного моря — жернова стандартов

Столкновение гаплогрупп или конфликт интерпретаций

Колдуны и шаманы: их волшебные средства и ритуалы

Городища и святилища бронзового века — новый взгляд

Ответственный редактор — Игорь В. Манзура

ISSN: 1608-9057

Stratum plus. No. 2.
Archaeology and Cultural Anthropology

INTEGRATIONS IN PREHISTORY

The Fertile Crescent: A Single Time Zone of Changes
Steppe World as a Model of Cultural Symbiosis
From the White Sea to the Red Sea — the millstones of standards
Collision of Haplogroups or Conflict of Interpretations
Sorcerers and Shamans: Their Magic Remedies and Rituals
Bronze Age Hillforts and Sanctuaries — A New Look

Editor-in-Charge — Igor V. Manzura

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2024

Stratum plus. Nr. 2.
Arheologie și antropologie culturală

INTEGRAȚII ÎN PREISTORIE

Semiluna Fertilă: un singur fus orar al schimbării
Lumea stepei ca model de simbioză culturală
De la Marea Albă la Marea Roșie — pietrele de moară ale standardelor
Ciocnirea haplogrupelor sau conflictul de interpretări
Vrăjitorii și șamanii: remediile și ritualurile lor magice
Forturile și sanctuarele din epoca bronzului — o nouă viziune

Redactor responsabil — Igor V. Manzura

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2024

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ДРЕВНОСТИ

Ш. Н. Амиров (Москва, Россия). Об умеренно плодородном полумесяце умеренного пояса (Степной пояс Восточной Европы в раннем и среднем голоцене) 15

В. Г. Петренко (†). Памятники позднего энеолита Южного Приднестровья и Буджакской степи 63

И. В. Манзура (Кишинёв, Молдова). Комментарии к статье В. Г. Петренко «Памятники позднего энеолита Южного Приднестровья и Буджакской степи» 99

ТЕХНОЛОГИИ ДРЕВНЕГО МИРА

А. М. Киселёва (Санкт-Петербург, Россия). Керамическая посуда раннего неолита на Кольском Севере: типология и новые данные по хронологии 107

С. Е. Малых (Москва, Россия). Стандартизация древнеегипетской керамики во второй половине III тыс. до н. э.: типологическая иллюзия или реальность? 121

Л. М. Сверчков (Ташкент, Узбекистан). О разработке месторождений ляпис-лазури на Среднем Востоке (к вопросу о локализации страны Аратта) 139

Т. Н. Смекалова, А. Н. Гаврилюк (Симферополь, Крым). Каймачинский клад эпохи бронзы из Северо-Западного Крыма: РФЛА состава сплава 149

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Ж. В. Марченко, А. Е. Гришин, Ю. Н. Гаркуша (Новосибирск, Россия). Древнейшие шаманские атрибуты из Северного Приангарья 175

И. В. Манзура (Кишинёв, Молдова). Топор в ритуальной практике раннего энеолита Восточной Европы: истоки традиции 193

А. И. Мурашкин (Санкт-Петербург, Россия). Типология орнаментов на изделиях из кости и рога поселения Маяк 2 (Мурманская область, Россия) 205

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

- А. А. Романчук** (*Кишинёв, Молдова*). Возникновение гаплогруппы E-M81: рубеж эр или неолит? 221
- А. В. Энговатова, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова** (*Москва, Россия*), **А. А. Канапин, А. А. Самсонова** (*Санкт-Петербург, Россия*), **М. Б. Медникова** (*Москва, Россия*). «Забытое дитя» или передовой отряд? О связи населения фатьяновской и средневолжской абашевской культур в свете данных секвенирования древней ДНК 227
- Д. А. Кириченко** (*Баку, Азербайджан*). О трепанации черепа в эпоху ранней бронзы на территории Южного Кавказа и Ближнего Востока 251
- Е. Ю. Гирия** (*Санкт-Петербург, Россия*), **А. С. Желудков** (*Липецк, Россия*), **С. В. Васильев** (*Москва, Россия*). Посмертная трепанация из погребения эпохи средней бронзы на Верхнем Дону 271

ПАМЯТЬ АРХЕОЛОГИИ

- С. В. Кузьминых** (*Москва, Россия*), **В. Н. Саенко** (*Киев, Украина*). «Скорченные погребения не дают мне покоя»: бронзовый век Северного Причерноморья в исследованиях А. В. Добровольского (по материалам переписки с А. М. Тальгренем и В. А. Городцовым) 283

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- В. А. Борзунов** (*Екатеринбург, Россия*). Шайтанское городище конца эпохи бронзы в бассейне реки Кеть (Западная Сибирь): новая интерпретация 319
- В. Н. Карманов** (*Сыктывкар, Россия*). Памятники на р. Коротаихе (бассейн Баренцева моря): места обитания, могильники или святилища эпохи бронзы? 355
- С. Д. Лысенко** (*Киев, Украина*), **С. Н. Разумов, В. С. Синика** (*Тирасполь, Молдова*), **Н. П. Тельнов** (*Кишинёв, Молдова*). Погребения эпохи поздней бронзы из курганов группы «Клин» у с. Глиное на левом берегу Нижнего Днестра . . 377

- Список сокращений** 399
- Авторам Stratum plus** 403

C O N T E N T S

INTEGRATION MODELS OF ANTIQUITY

Sh. N. Amirov (*Moscow, Russian Federation*). About the Moderately Fertile Crescent of the Temperate Climate Zone. (The Steppe Belt of Eastern Europe in the Early and Middle Holocene) 15

V. G. Petrenko (†). Late Eneolithic Archaeological Sites of the South Dniester Region and Budzhak Steppe 63

I. V. Manzura (*Kishinev, Moldova*). Comments on the Article by V. G. Petrenko “Late Eneolithic Archaeological Sites of the South Dniester Region and Budzhak Steppe” 99

TECHNOLOGY OF ANCIENT WORLD

A. M. Kiseleva (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Early Neolithic Pottery on the Kola North: Typology and New Data on Chronology 107

S. E. Malykh (*Moscow, Russian Federation*). Standardization of Ancient Egyptian Pottery in the Second Half of the 3rd Millennium BC: Typological Illusion or Reality? 121

L. M. Sverchkov (*Tashkent, Uzbekistan*). On the Exploration of Lapis Lazuli Deposits in the Middle East (On the Issue of Localization of the Aratta Country) 139

T. N. Smekalova, A. N. Gavrilyuk (*Simferopol, Crimea*). Kaymachinsky Bronze Age Hoard from North-Western Crimea: XRF Analysis of Alloy Composition 149

ARCHAEOLOGY OF BELIEFS

Zh. V. Marchenko, A. E. Grishin, Yu. N. Garkusha (*Novosibirsk, Russian Federation*). The Earliest Shamanic Attributes from the Northern Angara River Region . . . 175

I. V. Manzura (*Kishinev, Moldova*). The Axe in the Ritual Practice of the Early Eneolithic of Eastern Europe: the Origins of the Tradition 193

A. I. Murashkin (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Typology of Ornaments on Bone and Antler Items Found on Mayak 2 Settlement (Murmansk, Russia) 205

ANTHROPOLOGICAL ETUDES

A.A. Romanchuk (*Kishinev, Moldova*). The Origin of E-M81 Haplogroup: the Turn of the Era or the Neolithic? 221

A. V. Engovatova, Kh. Kh. Mustafin, I. E. Alborova (*Moscow, Russian Federation*), A.A. Kanapin, A.A. Samsonova (*Saint Petersburg, Russian Federation*), M. B. Mednikova (*Moscow, Russian Federation*). “Lost Child” or Vanguard? Linking Fatyanovo Population with Middle Volga Abashevo Culture using Ancient DNA Sequencing Data 227

D.A. Kirichenko (*Baku, Azerbaijan*). About Skull Trepanation on the Territory of South Caucasus and Near East in the Early Bronze Age 251

E. Yu. Giryа (*Saint Petersburg, Russian Federation*), A. S. Zheludkov (*Lipetsk, Russian Federation*), S. V. Vasiliev (*Moscow, Russian Federation*). Posthumous Trepanation from the Burial of the Middle Bronze Age on the Upper Don 271

ARCHAEOLOGY REMEMBERS

S. V. Kuzminykh (*Moscow, Russian Federation*), V.N. Saenko (*Kyiv, Ukraine*). “Crouched Inhumations Don’t Give Me Peace”: Bronze Age of the Northern Black Sea Region in A. V. Dobrovolsky’s Studies (based on correspondence with A.M. Tallgren and V.A. Gorodtsov) 283

RESEARCH AND PUBLICATIONS

V.A. Borzunov (*Yekaterinburg, Russian Federation*). Shaitan Fortified Settlement of the Late Bronze Age in the Ket’ River Basin (Western Siberia): New Interpretation 319

V.N. Karmanov (*Syktyvkar, Russian Federation*). Sites on the Korotai Kha River (Barents Sea Basin): Bronze Age Habitats, Cemeteries or Sanctuaries? 355

S. D. Lysenko (*Kyiv, Ukraine*), S. N. Razumov, V. S. Sinika (*Tiraspol, Moldova*), N. P. Telnov (*Kishinev, Moldova*). Graves of the Late Bronze Age from the Barrows of “Klin” Group on the Left Bank of the Lower Dniester 377

Abbreviations 399

Submissions 403

И. В. Манзура

Комментарии к статье В. Г. Петренко «Памятники позднего энеолита Южного Приднестровья и Буджакской степи»

Неожиданный и трагический уход Владислава Григорьевича Петренко заметно изменил исследовательский ландшафт Северо-Западного Причерноморья и сопредельных территорий. Он стал более равнинным, что ли. Острый аналитический ум, обширные познания и богатейший опыт по праву обеспечили этому талантливому ученому одну из лидирующих позиций в изучении преистории Юго-Восточной Европы. Оригинальный и скрупулезный подход к поставленным проблемам и исследуемым материалам, явлениям, процессам неизменно порождал новые оригинальные идеи и концепции, значительно расширяющие наши представления о далеком прошлом этой части европейского пространства.

Владислав Петренко отличался очень широким кругом научных интересов, концентрируя основное внимание на древностях V и IV тыс. до н. э. Конечно же, главным предметом его изысканий являлась усатовская культура и сопряженный с ней круг проблем. Поэтому неудивительно, что большая часть работ посвящена именно этой теме. Один из аспектов этой проблематики составляет круг вопросов, связанных с возникновением усатовской культуры, определение того пласта памятников, который лег в основу этого культурного явления. Владислав неоднократно высказывался по этому поводу, но, к сожалению, преимущественно в тезисной форме или в связи

с другими проблемами. В длинном списке его опубликованных работ так и не обнаружилась статья, которая в последовательном и завершенном виде выражала бы все идеи и исследовательские построения талантливого одессита в этой области. К счастью, она нашлась в архиве В. Г. Петренко.

Публикуемая в настоящем номере журнала *Stratum plus* статья, смею надеяться, в состоянии отчасти восполнить обозначенный пробел. Она, на мой взгляд, в наиболее полной форме передает всю сложность понимания археологических реалий и связанных с ними исследовательских проблем в Северо-Западном Причерноморье в IV тыс. до н. э., как это представлял В. Г. Петренко. Чрезвычайное разнообразие материалов, пересекающихся самым немыслимым образом в различных комплексах и контекстах, неизбежно порождало некоторую противоречивость суждений, терминологическую и понятийную путаницу, чем в той или иной мере грешили все специалисты, вовлеченные в изучение этой проблематики. Но, по-видимому, таким и должен быть путь познания, который через заблуждения и ошибки ведет к новым открытиям и концептуальным решениям.

В последние годы мне довелось много общаться с Владиславом Петренко, правда, в основном по электронной почте. Однако были периоды и длительного персонального диалога, например, при совместных раскоп-

This paper was written within the research project "Patrimoniul istorico-arheologic muzeal: sistematizare și valorificare științifico-culturală (Cifrul: 180101)", funded by the State Program (2024—2027) ■ Acest articol a fost elaborat în cadrul proiectului de cercetare „Patrimoniul istorico-arheologic muzeal: sistematizare și valorificare științifico-culturală (Cifrul: 180101)”, finanțat prin Programul de Stat (2024—2027) ■ Статья была подготовлена в рамках исследовательского проекта "Patrimoniul istorico-arheologic muzeal: sistematizare și valorificare științifico-culturală (Cifrul: 180101)", финансируемого Государственной Программой (2024—2027)

ках в Кошарах. Вечера мы обычно проводили в долгих беседах на самые различные темы, разумеется, в основном археологические. В чем-то наши мнения сходились, по некоторым вопросам мы придерживались весьма противоположных взглядов. Однако эта продолжительная и конструктивная дискуссия, безусловно, положительно сказалась на обоюдной корректировке нашего видения различных материалов и проблем, способствуя сближению позиций по многим спорным вопросам. Рассматривая здесь положения статьи, мне не хотелось бы впадать в критический раж, поскольку это было бы недостойно по отношению к коллеге, который уже не в состоянии возразить, тем более, учитывая наши приятельские отношения. Мои комментарии, наверное, следует скорее рассматривать как продолжение нашей давно начавшейся дискуссии.

Статья, судя по дате последнего сохранения, была завершена В.Г. Петренко в 2006 г. Ко второй половине 2010-х годов некоторые трактовки автора, предложенные в этой работе, существенно изменились. Вместе с тем, в ней содержится та важная основа, на которой строились и последующие выводы. Текстовая часть статьи выглядела полностью завершенной. Я позволил себе лишь незначительные структурные изменения, а также стилистическую и орфографическую правку, также незначительную, поскольку тексты Владислава всегда отличались очень высоким уровнем грамотности. Список литературы и иллюстративные таблицы было необходимо существенно дополнять и перерабатывать. Иллюстрации мне пришлось оформлять самостоятельно, используя нередко мои собственные рисунки, так как в имевшемся варианте они были выполнены в разной технике, иногда недостаточно качественно и с не совсем удобной компоновкой. Кроме того, некоторые изображения, на которые имелись ссылки в тексте, отсутствовали. Надеюсь, такое вторжение не слишком повлияло на изначальный замысел статьи.

Для первой половины IV тыс. до н.э. автор выделяет несколько линий культурного развития или типов памятников, некоторые признаки которых позднее воплотились в усатовской культуре. Одним из краеугольных камней всей конструкции, пожалуй, можно считать погребальные памятники типа Хаджидер, которые были выделены В.Г. Петренко еще в конце XX в. (Петренко 1989). В статье приводится всего несколько комплексов, но при

подготовке карты (рис. 1) мною были отмечены дополнительные пункты, которые упоминаются в других работах или нанесены на карту для издания 2013 г. по археологии Северо-Западного Причерноморья (Петренко 2013: рис. 28).

К хаджидерскому типу была отнесена серия энеолитических курганов с каменными конструкциями и/или рвами, которые содержали погребения в прямоугольных или овальных ямах со скелетами в скорченном положении на левом боку и восточной ориентировкой. Впрочем, наличие каменных сооружений или рвов считалось необязательным. Следует признать, что выделение особого типа позднеэнеолитических доусатовских памятников в тот момент являлось полностью оправданным и ожидаемым, что выгодно отличалось от несколько аморфной утконосовской группы И.Л. Алексеевой (Алексеева 1987) и эклектичной суворовской группы, куда оказались втиснутыми все погребальные памятники доусатовского энеолита и не только они (Дергачев 1986: 65—74; 1999: 200).

Погребения хаджидерского типа, как можно судить по статье, помимо специфических обрядовых черт, характеризовались определенными видами керамических изделий и некоторыми другими категориями материальной культуры. Первая группа керамики представлена типичными «столовыми» сосудами периода Кукутень В, в большинстве своем украшенными одноцветной росписью. Несколько сложнее обстоит вопрос с посудой другой группы, изготовленной из глины с примесью толченой ракушки. Она включает преимущественно высокорольные амфоры и горшки (кубки, по В.Г. Петренко), иногда орнаментированные отпечатками шнура. Характерной особенностью этой керамики исследователь справедливо считал заглаживание внешней и внутренней поверхности сосудов зубчатым шпателем по сырой глине, прием, в сущности, не типичный для усатовской посуды. Зато, как справедливо замечает В.Г. Петренко, такой способ обработки поверхности является устойчивым признаком керамики культуры Чернавода I. Автор вообще указывает на значительное сходство сосудов из погребений хаджидерского типа и керамических изделий этой нижнедунайской культуры, а в энеолитической керамике из Саратен даже видит прямые импорты. Однако здесь напрашивается естественный вопрос — в чем же заключается различие между ракушечной керамикой Чернаводы I и аналогичной посудой из хад-

жидерских захоронений? К сожалению, этот вопрос никак не разъясняется ни в данной статье, ни в какой-либо другой работе.

Среди погребальных комплексов, отмеченных В.Г. Петренко к хаджидерскому типу, фигурируют захоронения Нерушай 9/82, Нерушай 10/12 и Городнее I 1/16 (б. Огородное), которые прежде определялись как усатовские, да и сейчас иногда связываются с усатовской культурой (Дергачев 2022: 308—309, 312—313)¹. Новая культурная атрибуция указанных погребений в нынешних условиях выглядит вполне правомерной, принимая во внимание типологические особенности содержащихся в них предметов. Обнаруженные там сосуды по таким признакам, как гребенчатое заглаживание поверхности, коленчатые ручки, детали орнамента, в общем, не совсем характерны для усатовской керамики. В статье автор усматривал сходство амфор с коленчатыми ручками из Нерушай и Городнее I с керамикой культуры Чернавода III, однако эти сосуды, как представляется, более соответствуют керамическим традициям культуры Чернавода I. По крайней мере, в технологическом отношении такие параллели кажутся более уместными, да и коленчатые ручки являются характерным морфологическим признаком керамики Чернаводы I, если судить, к примеру, по материалам культуры Чернавода I из Орловки.

Тип бронзовых кинжалов из Нерушай 9/82 и Городнее I 1/16 с треугольным, трапециевидным или полукруглым фланцем и тремя пазами для штифтов² обладает чрезвычайно широким пространственным диапазоном. Подобные изделия известны на усатовских памятниках (Петренко 2013: 202), но они встречаются и в степи к востоку от усатовской территории (Tallgren 1929: 35, fig. 32), в ареалах позднего Триполья (Ключко и др. 2020, 32, рис. 15: 15), культуры Болераз (Šmíd 2009: 140—141, гус. 2: 1), поздней культуры воронковидных кубков, (Kowalewska-Marszałek, Duda 2014: 297, fig. 4) и, что важно, культуры Чернавода I или Чернавода III (Vajsov 1993: 115—117, Abb. 9). В силу этого следует допустить, что такие кинжалы не могут рассматриваться как атрибут исключительно усатовской культуры. В.Г. Петренко, например, связывает

в статье их появление с деятельностью металлообрабатывающего очага в западной части ареала Кукутень-Триполье.

Интересным является наблюдение В.Г. Петренко о распределении украшений из раковин *Theodoxus euxinus*. Такие, в общем-то, отсутствуют в погребальных комплексах собственно усатовской культуры, встречаясь исключительно в захоронениях хаджидерского типа. В равной степени такая же культурная атрибуция справедлива для колец из благородных металлов, обнаруженных в Саратенах 1/7 и Траповке 10/14. Аналогичное украшение из серебра происходит из сходного по обряду погребения позднего энеолита в Нижнем Побужье, вблизи восточной границы хаджидерской группы (Ковпаненко, Фоменко 1986: 11, рис. 1: 5).

В изложении В.Г. Петренко хаджидерская группа предстает как достаточно гомогенное объединение, которое характеризуется специфическим набором признаков, выраженных в погребальном обряде и разнообразных категориях материальной культуры. Хронологические границы группы приблизительно определяются в пределах второй и третьей четверти IV тыс. до н. э. Вследствие этого признается частичная синхронность хаджидерских и усатовских памятников. Одной из отличительных особенностей группы называется отсутствие следов поселений, хотя допускается существование кратковременных стоянок, что было обусловлено подвижным образом жизни носителей этих культурных традиций. Однако поселения этого времени обнаруживаются в Северо-Западном Причерноморье у другого культурного образования — культуры Чернавода I.

По мнению В.Г. Петренко, культура Чернавода I, наряду с памятниками типа Хаджидер, являлась одним из основных генетических компонентов усатовской культуры. Такой вывод выглядит совершенно уместным, принимая во внимание значительное сходство керамических комплексов и более ранний возраст чернаводовских памятников. Характеристика культуры основывается, главным образом, на материалах поселения этой балканской культуры в Орловке. Автор детально рассматривает топографию памятника, стратиграфические условия, особенности керамического ансамбля и антропоморфной пластики. Интересной кажется устанавливаемая связь между женской статуэткой из Орловки и фигурками из курганного погребения в Терновке 2/16 и из кургана 204 в Красногорке.

¹ Примечательно, что в только вышедшей книге С. Поповича эти погребения в списке памятников усатовской культуры отсутствуют (Popović 2023).

² Тип Нерушай, по И. Вайсову (Vajsov 1993: 113—114), или кинжалы с пазами (Kerbdolche), по И. Матушки (Matuschik 1998: 215).

Особенно ценной является информация о следах, по-видимому, небольших кратковременных стоянок культуры Чернавода I у с. Новосельское на оз. Ялпуг и на территории курганного могильника Дивизия на р. Хаджидер, то есть достаточно далеко на восток от Нижнего Дуная. С другой стороны, не совсем понятно стремление трактовать памятник в Орловке как своеобразное поселение-зольник, вероятно, культового характера. В заполнении рва, связанного с этой культурой, действительно, отмечены золистые прослойки, как, например, во рвах на усатовском поселении в Маяках. Однако нельзя сказать, что культурный слой Чернаводы I в Орловке за пределами рва насыщен золой. Кроме того, здесь выявлены вполне обычные бытовые объекты: остатки наземных глинобитных домов, хозяйственные ямы, конструкции для обжига керамики, очаги и т. п., то есть весь набор признаков, характерных для традиционного балканского раннеземледельческого поселения (Бруяко 2020; Govedarica, Manzura 2015).

Другой отличительной чертой культуры Чернавода I В.Г. Петренко считал отсутствие курганных погребений, что в Северо-Западном Причерноморье восполняется памятниками хаджидерского типа. Действительно, в Мунтении и в Добрудже курганные могильники этой культуры как будто пока не выявлены, хотя какие-то свидетельства все-таки имеются (Manzura 1999: 115—120). Кстати, на территории археологического комплекса Орловка-Картал, недалеко от поселения, был исследован курган с остатками кромлеха и рвом, который по этим признакам соответствует хаджидерским погребальным памятникам. К сожалению, основное захоронение оказалось полностью разрушенным, что препятствует надежной идентификации памятника (Бруяко, Дзиговский 2011). Тем не менее, его возможная связь с поселением кажется вполне вероятной.

Самостоятельную линию развития, в какой-то степени повлиявшую на генезис усатовской культуры, по мнению В.Г. Петренко, составляли памятники типа Катаржино. В отличие от хаджидерской группы, усопшие в погребениях этого типа хоронились в скорченном положении строго на спине. Для них были характерны овальные и прямоугольные ямы, восточная ориентировка, основное положение в курганах, иногда наличие небольших по диаметру оград из вертикально установленных каменных плит. Найденные на памятниках типа Катаржино сосуды в чем-то соответствуют усатовской или предшествующей

энеолитической керамике, возможно, связанной с хаджидерской группой.

Автор отмечает определенные сложности в культурной идентификации таких погребений, поскольку они встречались не только самостоятельно под отдельными курганами, но и на погребальных памятниках других культур. Например, аналогичные захоронения были открыты в курганах 8 и 9 первого курганного могильника в Усатово³. Более того, в парном погребении 1/2 этого же могильника один скелет лежал строго на спине с распавшимися в стороны ногами, тогда как другой залегал с наклоном на левый бок, что вполне характерно для погребальных норм усатовской культуры или той же хаджидерской группы (Патокова 1979: 43—45). Скорченные на спине погребения были также обнаружены в кургане усатовской культуры у с. Ясски (Петренко, Алексеева 1994: 48—50, рис. 2: 1, 4). В связи с этим В.Г. Петренко справедливо замечает, что ситуация в подобных случаях выглядит не совсем однозначной. Проблемы с культурной атрибуцией рассматриваемых погребений становятся даже более очевидными, если обратиться к еще одной разновидности памятников первой половины IV тыс. до н.э., которую автор намечал как самостоятельную линию развития в Северо-Западном Причерноморье.

Какая-то детальная характеристика данного круга памятников в статье отсутствует. Автор отмечает, что в Орловке выделяется особая тонкая лощеная керамика с резным и шнуровым орнаментом, которая ближе к усатовским стандартам и встречается в некоторых курганных погребениях региона. Помимо этого, в Орловке присутствуют сосуды из отмученной глины с темной росписью в виде сетки, которые также засвидетельствованы в некоторых погребениях в различных пунктах Днестро-Дунайского междуречья. По мнению В.Г. Петренко, керамика обеих категорий обладает некими архаическими чертами, которые позволяют датировать погребения с такими находками доусатовским периодом. Впоследствии эти комплексы были отнесены к особой архаичной ступени развития усатовской культуры (Петренко 2013: 170, рис. 35: 8—14).

³ В центральном погребении в кургане 9, если судить по имеющейся фотографии, скелет находился скорее в скорченном положении на спине с разворотом на левый бок, то есть в позиции, которая более присуща захоронениям хаджидерского типа, по В.Г. Петренко.

Как можно судить по рисунку 9 статьи, погребальный обряд комплексов с архаической керамикой заметно различается. В некоторых могилах усопшие лежали в скорченной позе на спине, что, в общем-то, соответствует захоронениям типа Катаржино, тогда как в других погребениях скелеты находились в скорченном положении на левом боку, которое более характерно для памятников типа Хаджидер или для усадовской культуры. При этом сосуды из погребений в большинстве своем, действительно, можно отнести к единой серии изделий. Однако некоторые из них отличаются определенной оригинальностью. Интерес, например, представляет сосуд с трубчатыми вертикальными ручками под венчиком из погребения 1/21 на могильнике Желтый Яр. Аналогичные сосуды в регионе пока выявлены только в керамическом ансамбле культуры Чернавода I в Орловке. В целом, при таком сочетании признаков приходится выбирать, каким критериям необходимо отдавать предпочтение при культурно-хронологической атрибуции комплексов — признакам погребального обряда или инвентаря.

Некоторая неопределенность, вполне понятная, наблюдается в трактовке материалов, содержащихся на памятниках, которые В.Г. Петренко отнес к категории «стоянок» с неустановленной культурной принадлежностью. В керамике этих стоянок содержатся фрагменты сосудов из отмученной глины периода Кукутень В и горшков, изготовленных из массы с примесью толченых раковин, со следами гребенчатого сглаживания. По обоснованному мнению автора, «ракушечная» керамика этих памятников, как и некоторых степных погребений (например, Рошканы 3/7), скорее всего, должна соотноситься с категорией Кукутень С поздней фазы среднего Триполья, а не с близкой по технологии посудой культуры Чернавода I. И, конечно же, следует согласиться с выводом, что появление таких стоянок за пределами трипольского ареала отражает общие процессы проникновения выходцев из трипольских общин на степные территории, что хорошо согласуется с ситуацией к востоку от Северо-Западного Причерноморья, в бассейне Южного Буга. Аналогичные явления прослеживаются и в ареале культуры Чернавода I, на поселениях которой во множестве обнаруживается расписная кукутенская керамика, и даже возникают поселения с гибридной материальной культурой наподобие Сэрата-Монтеору.

Осмелюсь повториться, что публикуемая статья со всей очевидностью раскрывает чрезвычайную сложность и многозначность культурно-исторического развития в Северо-Западном Причерноморье в первой половине IV тыс. до н. э., да и в период существования усадовской культуры также. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда признаки параллельных линий развития, по В.Г. Петренко, переплетаются и сочетаются посредством самых разнообразных комбинаций в различных закрытых комплексах и контекстах. Погребальные памятники с обрядовыми признаками типа Катаржино содержат материалы культуры Чернавода I и усадовской культуры в ее архаичном, согласно автору, или классическом выражении. В курганах и погребениях, по обряду связанных с хаджидерской группой или архаичным Усатово, присутствуют «кухонные» и расписные сосуды, которые соответствуют находкам из Орловки или напрямую связаны с культурой Кукутень В. На это пестрое полотно накладываются стоянки с материалами среднего Триполья, придавая ему дополнительные черты причудливой мозаичности. Совместить все эти разрозненные элементы в единую целостную картину, действительно, крайне сложно.

В своей статье В.Г. Петренко высказывает совершенно верное замечание, что важнейшее значение для осмысления ситуации в Северо-Западном Причерноморье в IV тыс. до н. э. представляют собой материалы из Орловки. Открытие долговременного поселения культуры Чернавода I на левом берегу Нижнего Дуная, действительно, позволило прояснить некоторые спорные вопросы в преистории региона. В частности, богатые и разнообразные материалы, полученные на данном памятнике, открыли возможность для более точной идентификации многих находок, до этого причислявшихся к безликой «степной энеолитической керамике». Именно в этом контексте удалось выявить истоки того разнообразия, которое наблюдалось в степи от Дуная до бассейна Днестра в позднем энеолите и в начале бронзового века.

Особенно значимым событием явилось открытие достаточно крупного могильника культуры Чернавода I, непосредственно примыкающего к поселению (Brucyako et al. 2022). Изученные здесь погребения относятся к категории грунтовых, однако около некоторых из них были выявлены остатки каменных кромехов, что, возможно, свидетельствует о существовании небольших курганных на-

сыпей, которые были сnivelированы при интенсивной распахке территории памятника в исторический период. В пределах этого однокультурного могильника распознаются практически все обрядовые признаки, присутствующие различным линиям развития в Северо-Западном Причерноморье. Здесь присутствуют захоронения со скорченными на спине скелетами и могильные комплексы, где усопшие хоронились на боку с различной степенью скорченности и разным размещением конечностей. Весьма показателен генетический состав погребенного населения, где встречаются выходцы из балканской земледельческой среды и представители степного населения, а также какие-то метисные генетические типы (Penske et al. 2023). Причем показательно, что усопшие балканского происхождения могли погребаться на могильнике в Орловке в скорченном положении на спине, тогда как индивиды с местной степной сигнатурой хоронились скорченно на боку.

Археологические материалы, подкрепленные данными палеогенетики, однозначно свидетельствуют о том, что в первой половине IV тыс. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье зарождается целостное по своему потенциалу объединение, органично вбирающее в себя местные и привнесенные культурные традиции. Отсюда и происходит то впечатляющее разнообразие, на которое ссылается В.Г. Петренко. В этом смысле его исследование оказалось, действительно, востребованным и своевременным, поскольку оно очертило ту совокупность культурных явлений, которые были задействованы в процессе интеграции, хоть и в несколько иной комбинации, чем мне представлялось.

Одним из главных синтезирующих факторов этого мощного интеграционного процесса, несомненно, следует рассматривать деятельность носителей культуры Чернавода I, которая и сама являлась продуктом некоего культурного симбиоза. Примечательно, что в памятниках именно этой культуры как бы фокусируется большинство признаков, присущих различным линиям степного энеолита.

Другим, пожалуй, не менее значимым фактором означенного процесса служило влияние на степной регион культуры Кукутень-Триполье, присутствие которой просматривается в представительной серии разнообразных находок. Интересно, что участие каких-то местных групп населения в этом процессе взаимодействия, с точки зрения материальной культуры, прослеживается не столь ощутимо на фоне явного доминирования внешних факторов, хотя этот вывод, по мере поступления новых материалов или переосмысления уже известных находок, скорее всего, в дальнейшем будет скорректирован. Кульминационной точкой этого процесса, по-видимому, следует считать формирование усатовской культуры с ее самобытными поселенческими и погребальными комплексами, в которой сочетание различных традиций приобретает поистине гармоничное звучание.

Все изложенные здесь положения в той или иной форме можно найти в статье В.Г. Петренко. Эта работа была написана в период, когда только начал поступать материал из Орловки, еще не доступный в полном объеме для детального ознакомления и анализа. Между тем, каждый год раскопок на этом памятнике приносил новые находки и открытия, которые были в состоянии заметно повлиять на эволюцию исследовательского видения самых различных проблем. В результате моего общения с Владиславом Петренко в последние годы вполне ощущалось, что у него происходит глубокая мыслительная работа по частичному переосмыслению ранее высказанных идей в соответствии с новыми археологическими реалиями. Результатом этих размышлений, безусловно, должно было стать очередное оригинальное исследование по проблемам позднего энеолита и раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья. К сожалению, Владислав не успел. Тем не менее, публикуемая в журнале *Stratum plus* статья в должном объеме передает главные идеи ученого, насыщена интереснейшими наблюдениями и выводами и должна рассматриваться как ценнейший вклад в изучение преисторической археологии региона.

Література

- Алексеева И.Л. 1987. Доусатовские погребения в курганах Северо-Западного Причерноморья. В: Самойлова Т.П. (отв. ред.). *Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 1987, 17—26.
- Бруяко И.В. 2020. *Поселение культуры Чернавда I на городище Картал (раскопки 2001 и 2015 гг.)*. МАСП, Монографическая серия № 5. Одесса: Ирбис.
- Бруяко И.В., Дзиговский А.Н. 2011. Раскопки кургана в окрестностях городища Картал. *Stratum plus* (2), 273—278.
- Дергачев В.А. 1986. *Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы*. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев В.А. 1999. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы. *Stratum plus* (2), 169—221.
- Клочко и др. 2020: Клочко В.І., Козименко А.В., Гошко Т.Ю., Клочко Д.Д. 2020. *Епоха раннього металу в Україні (історія металургії та генезис культур)*. Київ: Національний університет «Києво-Могилянська Академія».
- Ковпаненко Г.Т., Фоменко В.М. 1986. Похоронения доби энеолиту-ранней бронзы на правом берегу Південного Бугу. *Археологія* 55, 11—25.
- Патокова Э.Ф. 1979. *Усатовское поселение и могильники*. Киев: Наукова думка.
- Петренко В.Г. 1989. Пам'ятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье. В: *История и археология Нижнего Подунавья*. ТДК. Рени, 18—20.
- Петренко В.Г. 2013. Металл и усатовская культура. В: Тощев Г.М., Михайлов Я.Б., Заматасва О.В., Пенцова О.В. (ред.). *Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку-енеоліту*. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої до 100-річчя від дня народження В.М. Даниленка. Мелітополь: Мирне, 146—153.
- Петренко В.Г. 2013. Усатовская культура. В: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: СМІЛ, 163—210.
- Петренко В.Г., Алексеева И.Л. 1994. Могильник усатовской культуры у с. Яски в Нижнем Поднестровье. В: Охотников С.Б. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье*. КС ОАО. Одесса: Одесское Археологическое Общество, 48—55.
- Bruyako et al. 2022: Bruyako I., Govedarica B., Manzura I. 2022. The cemetery of the Cernavodă I culture at Orlovka-Kartal. *Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja* 51, 5—34.
- Govedarica B., Manzura I. 2015. The Copper Age Settlement of Kartal in Orlovka (Southwest Ukraine). In: Hansen S., Raczky P., Anders A., Reingruber A. (eds.). *Neolithic and Copper Age between the Carpathian Basin and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to the 4th Millennium BCE*. International Workshop Budapest 2012. Archäologie in Eurasien 31. Bonn: Habelt, 437—456.
- Kowalewska-Marszałek H., Duday H. 2014. The Kichary Nowe necropolis (Little Poland) and its funerary rituals, from the Middle Neolithic to the Early Bronze Age. In: Besse M. (ed.). *Around the Petit-Chasseur Site in Sion (Valais, Switzerland) and New Approaches to the Bell Beaker Culture*. Proceedings of the International Conference “Around the Petit-Chasseur Site” — Sion, Switzerland, 2011. Oxford: Archaeopress, 295—306.
- Manzura I. 1999. Cernavoda I culture. In: L. Nikolova. *The Balkans in Later Prehistory*. Chapter 7. BAR International Series 791, 93—174.
- Matuschik I. 1998. Kupferfunde und Metallurgie-Belege, zugleich ein Beitrag zur Geschichte der kupferzeitlichen Dolche Mittel-, Ost- und Südosteuropas. In: Mainberger M. *Das Moordorf von Reute. Archäologische Untersuchungen in der jungneolithischen Siedlung Reute-Schorrenried*. Stuttgart: Teraqua CAP, Staufen i. Br., 207—261.
- Penske et al. 2023: Penske S., Rohlrach A.B., Childebayeva A., Gnecci-Ruscione G., Schmid C. et al. 2023. Early contact between late farming and pastoralist societies in southeastern Europe. *Nature* 620, 358—365.
- Popovici S. 2023. *Cultura Usatovo: arheologia funerară a unei societăți din Epoca Bronzului*. Târgoviște: Cetatea de scaun.
- Šmíd M. 2009. Der Fund von Kupfergegenständen auf dem Burgwall Rmíz bei Laškov. *Pravěk, Nová Řada* 18/2008, 139—148.
- Tallgren A. M. 1929. Etudes sur le Caucase du nord. *Eurasia Septentrionalis Antiqua* IV, 22—40.
- Vajsov I. 1993. Die frühesten Metaldolche Südost- und Mitteleuropas. *Praehistorische Zeitschrift* 68: 1, 103—145.

References

- Alekseeva, I.L. 1987. In Samoilova, T.P. (ed.). *Novye issledovaniia po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia* (New Research on the Archaeology of the Northwestern Black Sea Region). Kyiv: “Naukova dumka” Publ., 1987, 17—26 (in Russian).
- Bruyako, I.V. 2020. *Poselenie kul'tury Chernavoda I na gorodishche Kartal (raskopki 2001 i 2015 gg.)* (The Cernavoda I Culture Settlement on the Kartal Hillfort: Excavations in 2001 and 2015). Series: Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Proceedings on the Archaeology of the Northern Pontic Region), Monograficheskaiia seriia № 5. Odessa: Irbis (in Russian).
- Bruyako, I.V., Dzigovskii, A.N. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 273—278 (in Russian).
- Dergachev, V.A. 1986. *Moldaviia i sosednie territorii v epokhu bronzy* (Moldavia and Neighboring Territories in the Bronze Age). Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Dergachev, V.A. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 169—221 (in Russian).
- Klochko, V.I., Kozymenko, A.V., Hoshko, T. Yu., Klochko, D.D. 2020. *Epokha rann'oho metalu v Ukraini (istoriia metalurhii ta henezys kul'tur)* (The Early Metal Age in Ukraine: History of Metallurgy and the Genesis of Cultures). Kyiv: National University of “Kyiv-Mohyla Academy” (in Ukrainian).
- Kovpanenko, H.T., Fomenko, V.M. 1986. In *Arkheolohiia* (Archaeology) 55, 11—25 (in Ukrainian).
- Patokova, E.F. 1979. *Usatovskoe poselenie i mogil'niki* (Usatovo Settlement and Necropolises). Kyiv: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Petrenko, V.G. 1989. In *Istoriia i arkheologiia Nizhnego Podunav'ia* (chteniia pamiati professora A. I. Dovatura). *Tezisy dokla-*

- dov nauchno-prakticheskogo seminaru (History and Archaeology of Lower Danube Region (Readings in the Memory of the Professor A.I. Dovatur). Abstracts of the Scientific-practical Seminar). Reni: Reni Town Typography, 18—20 (in Russian).
- Petrenko, V.G. 2013. In Toshchev, G.M., Mikhailov, Ya.B., Zamataeva, O.V., Pen'ova, O.V. (ed.). *Pivnichne Pryazov'ya v epokhu kam'yanoho viku — eneolitu (Northern Azov Sea Region in Stone and Copper Age)*. Melitopol: Melitopol Museum of Local Lore, 146—153 (in Russian).
- Petrenko, V.G. 2013. In Bruyako, I.V., Samoilova, T.L. (ed.). *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (k 95-letiiu Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy) (Ancient Cultures of the Northwestern Black Sea Region: to the 95th Anniversary of the National Academy of Sciences of Ukraine)*. Odessa: "SMIL" Publ., 163—210 (in Russian).
- Petrenko, V.G., Alekseeva, I.L. 1994. In Okhotnikov, S.B. (ed.). *Drevnee Prichernomor'e (Ancient Black Sea Region)*. Series: Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkhologicheskogo obshchestva (Concise Bulletins of the Odessa Archaeological Society). Odessa: Odessa Archaeological Society, 48—55 (in Russian).
- Bruyako, I., Govedarica, B., Manzura, I. 2022. The cemetery of the Cernavodă I culture at Orlovka-Kartal. *Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja* 51, 5—34.
- Govedarica, B., Manzura, I. 2015. The Cooper Age Settlement of Kartal in Orlovka (Southwest Ukraine). In Hansen, S., Raczyk, P., Anders, A., Reingruber, A. (eds.). *Neolithic and Copper Age between the Carpathian Basin and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to the 4th Millennium BCE*. International Workshop Budapest 2012. Archäologie in Eurasien 31. Bonn: Habelt, 437—456.
- Kowalewska-Marszałek, H., Duday, H. 2014. The Kichary Nowe necropolis (Little Poland) and its funerary rituals, from the Middle Neolithic to the Early Bronze Age. In Besse, M. (ed.). *Around the Petit-Chasseur Site in Sion (Valais, Switzerland) and New Approaches to the Baell Beaker Culture*. Proceedings of the International Conference "Around the Petit-Chasseur Site" — Sion, Switzerland, 2011. Oxford: Archaeopress, 295—306.
- Manzura, I. 1999. Cernavoda I culture. In Nikolova, L. *The Balkans in Later Prehistory*. Chapter 7. BAR International Series 791, 93—174.
- Matuschik, I. 1998. Kupferfunde und Metallurgie-Belege, zugleich ein Beitrag zur Geschichte der kupferzeitlichen Dolche Mittel-, Ost- und Südosteuropas. In Mainberger, M. *Das Moordorf von Reute. Archäologische Untersuchungen in der jungneolithischen Siedlung Reute-Schorrenried*. Stuttgart: Teraqua CAP, Staufen i. Br., 207—261.
- Penske, S., Rohlrach, A.B., Childebayeva, A., Gneccchi-Ruscione, G., Schmid, C., et al. 2023. Early contact between late farming and pastoralist societies in southeastern Europe. *Nature* 620, 358—365.
- Popovici, S. 2023. *Cultura Usatovo: arheologia funerară a unei societăți din Epoca Bronzului*. Târgoviște: Cetatea de scaun.
- Šmid, M. 2009. Der Fund von Kupfergegenständen auf dem Burgwall Rmíz bei Laškov. *Pravěk, Nová Řada* 18/2008, 139—148.
- Tallgren, A.M. 1929. Etudes sur le Caucase du nord. *Eurasia Septentrionales Antiqua* IV, 22—40.
- Vajsov, I. 1993. Die frühesten Metalldolche Südost- und Mitteleuropas. *Prähistorische Zeitschrift* 68 (1), 103—145.

Статья поступила в номер 11 апреля 2024 г.

Igor Manzura (Kishinev, Moldova). Doctor of History. National Museum of History of Moldova¹.

Igor Manzura (Chișinău, Moldova). Doctor în istorie. Muzeul Național de Istorie a Moldovei.

Манзура Игорь Васильевич (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Национальный музей истории Молдовы.

E-mail: igormanzura@mail.ru

ORCID: 0009-0004-2848-4307

Address: ¹ 31 August St., 121a, Chișinău, MD-2012, Moldova

Список сокращений

АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АВУ	— Археологічні відкриття в Україні. Київ.
АГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АЕС	— Археология евразийских степей. Казань.
АИМ	— Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН МССР	— Академия наук Молдавской ССР. Кишинёв.
АН РБ	— Академия наук Республики Башкортостан. Уфа.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УССР	— Академия наук Украинской ССР. Киев.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БАН	— Болгарская академия наук. София.
БашГУ	— Башкирский государственный университет. Уфа.
БРЭ	— Большая российская энциклопедия. Москва.
БСЭ	— Большая советская энциклопедия. Москва.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВАУ	— Вопросы археологии Урала. Свердловск; Екатеринбург.
ВАШ	— Высшая антропологическая школа. Кишинёв.
ВГПИ	— Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВИЛИ	— Вестник истории, литературы и искусства. Москва.
ВНУ	— Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля. Луганск.
ВУАК	— Всеукраїнський археологічний комітет. Київ.
ВУАН	— Всеукраїнська Академія наук. Київ.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры. Ленинград.
ГИМ	— Государственный Исторический музей. Москва.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДНУ	— Днепропетровский государственный университет. Днепропетровск.
ДНУ	— Днепропетровский национальный университет. Днепропетровск.
ДНЦ РАН	— Дагестанский научный центр Российской Академии наук. Махачкала.
ЗОО	— Записки Одесского археологического общества. Одесса.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА АН РТ	— Институт археологии Академии наук Республики Татарстан.
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
ИА АН УССР	— Институт археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
ИА АН УССР	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук (Россия, Новосибирск).
ИВ РАН	— Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИИС	— Из истории Сибири. Томск.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної академії наук України. Київ.
К-1979/3	— Коротайха 1979/3.
К-1979/4	— Коротайха 1979/4.
канд. ист. наук.	— кандидат исторических наук.
КГПИ	— Куйбышевский государственный педагогический институт. Куйбышев.
КГПУ	— Красноярский государственный педагогический университет. Красноярск.
КГУ	— Калмыцкий государственный университет. Элиста.
КИО	— культурно-историческая общность.
КолАЭ ЛОИА	— Кольская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии.
КОМ	— Кольский Оленеостровский могильник.
КС ОАО	— Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса.
КС ОГМ	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея. Одесса.

КСВЕ	— крайний северо-восток Европы.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. Москва.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград.
КурГУ	— Курганский государственный университет. Курган.
ЛГПУ	— Липецкий государственный педагогический университет. Липецк.
МАЕСВ	— Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
МАИАСК	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Москва; Тюмень; Нижний Новгород.
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Москва; Тюмень; Нижний Новгород.
МАО	— Московское археологическое общество. Москва.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАСП / МАПП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья / Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Одесса.
МАЗ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
МВД	— Министерство внутренних дел.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МДАСУ	— Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МОКМ	— Мурманский областной краеведческий музей. Мурманск.
МРС	— мелкий рогатый скот.
НА ІА НАНУ	— Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук України. Київ.
НА ИАКР	— Научный архив Института археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НГКМ	— Новосибирский государственный краеведческий музей. Новосибирск.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НИЛ	— научно-исследовательская лаборатория.
ННЦ	— Новосибирский научный центр. Новосибирск.
НЦ	— научный центр.
ОАМ	— Одесский археологический музей. Одесса.
ОГПУ	— Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ОИРИМ	— Отчеты Императорского Российского Исторического музея. Москва.
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Москва.
ОФ	— Основной фонд.
ПА	— Поволжская археология. Казань.
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
ПАЭАССТ	— Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
ПЭГ	— полиэтиленгликоль.
РА	— Российская археология. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва.
РАО	— Русское археологическое общество. Санкт-Петербург.
РИО	— редакционно-издательский отдел.
РНФ	— Российский научный фонд. Москва.
РО НБФ	— Рукописный отдел Национальной библиотеки Финляндии. Хельсинки.
РЭ	— Российская этнография. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва.
СГАИМК	— Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Москва; Ленинград.
СГПУ	— Самарский государственный педагогический университет. Самара.
СГСПУ	— Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СНВ	— Самарский научный вестник. Самара.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской Академии наук. Самара.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
СурГПИ	— Сургутский государственный педагогический институт. Сургут.
СФУ	— Сибирский федеральный университет. Красноярск.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТГИАМЗ	— Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Тобольск.
ТГУ	— Томский государственный университет. Томск.

№2. 2024

ТГУСУР	— Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники. Томск.
ТДК	— тезисы докладов конференции.
ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии Института археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва.
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва.
ТюмГУ	— Тюменский государственный университет. Тюмень.
УдГУ	— Удмуртский государственный университет. Ижевск.
УрГУ	— Уральский государственный университет. Свердловск / Екатеринбург.
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
УрФУ	— Уральский федеральный университет. Екатеринбург.
УСРР	— Українська соціалістична радянська республіка.
ХМАО	— Ханты-Мансийский автономный округ.
ЦКП	— Центр коллективного пользования.
ЧГПУ	— Челябинский государственный педагогический университет. Челябинск.
ЧГУ	— Челябинский государственный университет. Челябинск.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
ЮУрГУ	— Южно-Уральский государственный университет. Челябинск.
AMS	— Accelerator mass-spectrometry.
BPS	— Baltic-Pontic Studies. Poznań.
CCE	— Cahiers de la Céramique Égyptienne. Le Caïre.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
IOS RAS	— Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow.
JAEA	— The Journal of Ancient Egyptian Architecture.
JARCE	— Journal of the American Research Center in Egypt. Alexandria (Virginia).
MDAIK	— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. Kairo.
OLA	— Orientalia Lovaniensia Analecta. Louvain.
PAN	— Polska Akademia Nauk. Warszawa.
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki.